

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

ОЧЕРКИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ТЕЦАВЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Вдохновение и пот

Каждое утро Бетховен вставал на рассвете и варил себе кофе. Подходил к делу педантично: на одну чашку следовало брать ровно шестьдесят кофейных зерен, и каждый раз он их отсчитывал. А затем садился за письменный стол и до двух или трех часов пополудни писал музыку. Потом выходил на длительную прогулку, прихватив с собой карандаш и несколько листов нотной бумаги — записывать идеи, возникающие на ходу. Каждый вечер, поужинав, выпивал кружку пива, выкуривал трубку и укладывался спать рано, не позднее десяти часов.

Энтони Троллоп, служивший чиновником в почтовом ведомстве, приплачивал конюху, чтобы тот ежедневно будил его в пять утра. В пять тридцать Троллоп усаживался за письменный стол и ровно три часа писал свои произведения с пулеметной скоростью: 250 слов за пятнадцать минут. Таким методом он написал 47 романов, многие из которых занимают три тома, и еще 16 книг иного рода. Если он завершал очередной роман, когда три часа еще не истекли, то немедленно брал чистый лист бумаги и приступал к работе над следующим.

Иммануил Кант, самый блестящий философ современности, был знаменит еще и своим неизменным распорядком дня. Генрих Гейне так описывал режим Канта: «Подъем с постели, утренний кофе, работа над своими трудами, чтение лекций, прием пищи, прогулка — все делалось в установленное время, и когда Кант в сером плаще, с испанской тростью в руках, выходил из дверей своего дома, соседи знали: сейчас ровно три часа тридцать минут пополудни».

Эти подробности — как и более 150 других примеров из биографий великих философов, художников, композиторов и писателей — можно почерпнуть из книги Мейсона Карри «Режим гения: распорядок дня великих людей»¹. Книга доносит до нас простую мысль. У большинства творческих людей есть свои ежедневные ритуалы. И эта рутина служит питательной почвой, в которой прорастают семена их новаторских идей.

В некоторых случаях творческие люди, у которых не было необходимости в постоянной работе, сознательно трудоустраивались, чтобы внести в свою жизнь упорядоченность и размеренность. Типичный пример — поэт Уоллес Стивенс: он устроился юрисконсультантом по вопросам страхования в «Хартфорд эксидент энд индемнити компани» и проработал там до гробовой доски. Стивенс говорил, что для него ходить на службу — наилучший удел, так как «это привносит в твою жизнь дисциплинированность и регулярность».

Какой парадокс! Все эти люди были новаторами, первопроходцами, первооткрывателями, пролагавшими новые пути, они формулировали новые идеи, изобретали новые выразительные средства, делали то, чего до них в такой форме еще никто никогда не делал. Они разрушали стереотипы. Меняли среду обитания. Храбро исследовали неизведанное.

Но их повседневная жизнь была совершенно иной — сплошные ритуалы и устоявшаяся рутина. Ее даже можно назвать скучной. Чем это объясняется? Разгадка в общеизвестном

1 Mason Currey. Daily Rituals: How Great Minds Make Time, Find Inspiration, and Get to Work. New York: Knopf, 2013.

Русское издание вышло в переводе Л. Сумм (М.: Альпина Паблишер, 2013). — *Ред.*

афоризме, автора которого мы не знаем: «Гениальность — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота».

Научные открытия, переворачивающие картину мира, новаторские исследования, популярные новые товары, блестящие романы, увенчанные лаврами фильмы, — все они, за редким исключением, являются результатами многолетнего сверхурочного труда и кропотливого внимания к деталям. Занятия творчеством предполагают усердный труд.

Древнее ивритское слово, обозначающее усердный труд, — «авода». Оно также значит «служение Б-гу». То, что применимо к искусству, науке, бизнесу и промышленности, в равной степени применимо к жизни духа. Чтобы добиться духовного роста, в какой бы форме он ни выражался, необходимы постоянные усилия и ежедневные ритуалы, или, лучше сказать, обряды.

Этой мыслью проникнут замечательный агадический отрывок, где разные мудрецы изложили свои взгляды на то, в чем состоит «кляль гадоль ба-Тора» («великий принцип Торы»). Бен-Азай говорит, что это стих: «Вот книга о потомстве Адама. В день, когда Б-г сотворил человека, Он создал его по образу Б-га» (Берешит, 5:1). Бен-Зома говорит, что есть более широкий принцип: «Слушай, Израиль, Г-сподь — наш Б-г, Г-сподь — один». Бен-Нанас утверждает, что есть принцип еще более глобальный: «Люби ближнего, как самого себя». А Бен-Пази говорит, что можно найти принцип еще более широкообъемлющий, и цитирует стих из нашей недельной главы: «Одного ягненка приноси [в жертву] поутру, а другого ягненка приноси в сумерки» (Шмот, 29:39), — или, как мы могли бы сказать ныне, сахарит, минха и маарив. Словом, «рутина». В отрывке сделано заключение: Закон следует мнению Бен-Пази².

Мысль, вложенная в утверждение Бен-Пази, ясна: все возвышенные идеалы на свете — человеческая личность как образ Б-жий, вера в то, что Б-г един, любовь к ближнему — мало что значат, пока не превратятся в привычный образ действий, а привычки эти, в свою очередь, не сделаются привычками души.

Мы все можем припомнить мимолетные озарения, когда в голову приходит великолепная идея, значимая мысль, смутный замысел начинания, которое может изменить жизнь. Спустя день, неделю или год оказывается, что мысль эта давно позабыта или едва брезжит в

памяти, в лучшем случае попала в разряд «несбывшихся мечтаний».

Люди, меняющие мир хоть в мелочах, а хоть с эпическим размахом, стараются претворять пиковые переживания³ в каждодневный распорядок. Они знают, что каждая мелочь имеет значение, и уже успели выработать способность дисциплинированно, усердно трудиться длительный период времени.

Грандиозность иудаизма в том, что он берет возвышенные идеалы и восторженные видения — образ Б-жий, веру в Б-га, любовь к ближнему — и претворяет их в модель поведения. Алаха (еврейский закон) включает в себя набор рутинных действий, который (как и в повседневной жизни величайших творческих умов) перенастраивает мозг, привнося в нашу жизнь дисциплинированность и меняя все то, как мы испытываем чувства, мыслим и действуем.

Должно быть, посторонним — а иногда и своим — многое в иудаизме кажется скучным, прозаичным, приземленным, повторяющимся, зацикленным на мелких подробностях, лишенным драматизма и вдохновения. Но ровно то же самое можно сказать о почти всем времени, которое мы тратим, чтобы написать роман или симфонию, чтобы снять фильм, довести до ума потрясающее компьютерное приложение или создать компанию с миллиардной капитализацией. Тут требуются упорный труд, полная сосредоточенность и ежедневные обряды. Таковы корни всех долговечных великих свершений.

На Западе сложилось странное представление о религиозных переживаниях: они, мол, захлестывают тебя, когда происходит что-то, что выламывается за рамки обыденных переживаний. Взойдя на горную вершину, смотришь вниз. Чудом избегаешь опасности. Вливаешься в огромную ликующую толпу. Немецкий лютеранский теолог Рудольф Отто (1869–1937) именно так определял «священное»: это тайна (*mysterium*), в одно и то же время ужасающая (*tremendum*) и завораживающая (*fascinans*). Ты испытываешь благоговейный трепет перед присутствием чего-то грандиозного... Такие переживания испытывал каждый из нас.

Но это всего лишь переживания. Они остаются в памяти, но не становятся частью обыденной жизни. Не вплетаются в живую ткань наших характеров. Не влияют на поступки и достижения, на то, кем и какими людьми мы становимся. Иудаизм же призван изменить нас так, чтобы мы

2 Этот отрывок приведен в предисловии к комментарию «Перуш а-Котев» к книге «Эйн Яков» — собранию агадических отрывков из Талмуда. Цитирует его и Маараль в Нетивот Олам, Аават а-Рэа, 1.

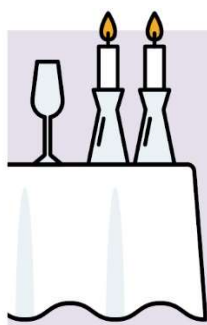
3 Термин американского социолога Абрахама Маслоу. Внезапные ощущения интенсивного счастья, полноты существования, нередко сопровождаемые осознанием «абсолютной истины» или единства всех вещей. — *Примеч. перев.*

стали своего рода творческими людьми — художниками, чье величайшее творение — собственная жизнь⁴. Для этого и нужны ежедневные обряды: шахарит, минха, маарив, то, какую пищу мы едим, как мы ведем себя на работе и дома, — своеобразная «хореография» священности, представляющая собой особый вклад священнического аспекта иудаизма, который изложен в нашей недельной главе и во всей книге Ваикра.

Эти обряды производят эффект. Теперь, благодаря позитронно-эмиссионным и магнитно-резонансным томограммам, мы знаем, что регулярные духовные упражнения перенастраивают мозг. Они дают нам душевную стойкость, располагают к большей признательности за то, что нам даровано. Вселяют непоколебимое доверие к Источнику нашего существования. Формируют идентичность, образ действия, манеру говорить, образ мысли. Для

великих свершений в духовной жизни обряд — то же самое, что для теннисиста — тренировки, для писателя — ежедневный дисциплинированный труд за столом, а для Уоррена Баффета — чтение отчетов компаний. Обряды — предпосылка великих достижений. Служение Б-гу — это авода, а значит, «усердный труд».

Если вы жаждете порывов вдохновения, работайте над этим день ото дня целый год или всю жизнь. Иначе вдохновение не придет. Рассказывают, один знаменитый игрок в гольф ответил на вопрос о секрете своего успеха: «Мне просто повезло. Но вот что забавно: чем усерднее тренируюсь, тем больше мне везет». Чем более пламенно вы стремитесь к духовным вершинам, тем более вам нужны обряды и рутина алахи, еврейского «пути» к Б-гу.

Around the Shabbat Table

1. Do you find meaning in the everyday tasks of Judaism? Do they feel like work?
2. What can you do to make the daily mitzvot you do feel meaningful?
3. Do you think religion should be more about intense spiritual experiences? Or do you agree with the point Rabbi Sacks made here, that ritual and routine can reconfigure the brain and change the way we feel, think, and act?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbisacks.org/covenant-conversation-family-edition/tetzaveh/inspiration-and-perspiration.

4 Замечание рабби Йосефа Соловейчика в эссе «Человек Алахи».